

КРИСТИНА СОЛЬ

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ

КНИГА 1. ВЕДЬМА ПО РАСЧЁТУ

Кристина Соль

**Хроники Снежной. Книга
1. Ведьма по расчёту**

«Автор»

2026

Соль К.

Хроники Снежной. Книга 1. Ведьма по расчёту / К. Соль —
«Автор», 2026

Последнее, что я помню из своей жизни, — цифры на осциллографе за секунду до того, как эксперимент пошёл не так. Очнулась я на деревенской площади, в чужом теле, в наручниках, с приговором «сожжение на рассвете» — потому что местная ведьма, в которую меня занесло, обвинена в убийстве, которого не совершала. Проблема первая: я физик, а не ведьма, и здесь плевать хотели на мои степени. Проблема вторая: настоящая причина смертей в округе страшнее любого колдовства, и я — единственная, кто способен её вычислить, если успею раньше рассвета. Проблема третья: королевский дознаватель, ведущий моё дело, смотрит на меня так, будто уже понял — я лгу о себе. И у меня нет времени объяснять ему, что он прав больше, чем думает. Я не умею колдовать. Но я умею находить закономерность там, где все видят волю богов. Обычно этого достаточно — чтобы выжить. Не всегда — чтобы не влюбиться в человека, который держит в руках мой приговор.

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга

1. Ведьма по расчёту

Глава 1. Резонанс

В последний момент прежней жизни я смотрела на цифры осциллографа, замершие там, где им быть не полагалось.

47,3 герца. Резонанс, не предсказанный ни одной моделью, которую я строила.

Ошибка. За двенадцать лет в физике у меня их набралось немало, но эта оказалась последней.

Ирина Снежная, тридцать два года, физик-экспериментатор. Умерла — или нет, это ещё предстояло понять — в четверг вечером, при третьем запуске квантового туннельного контура в лаборатории номер четыре. Час был поздний, коридоры давно опустели, а я осталась одна: Матвей отошёл за кофе и не успел вернуться, когда контур сорвался.

Вспышку я не увидела — скорее ощутила, как пространство вокруг вдруг смялось внутрь себя, будто кто-то невидимый скомкал лист бумаги вместе со мной.

После — провал, чернота.

Затем пришла боль: тугое жжение в груди, точно там годами копилось что-то и наконец прорвалось наружу, холодная земля под лопатками, запах гари — не тот, лабораторный, а дровяной, деревенский.

Веки поднялись сами.

Небо — серое, низкое, пахнущее скорым дождём. Надо мной десятки лиц, склонившихся кольцом, и на всех — одно и то же выражение, знакомое мне по книгам, но никогда не виденное вживую: суеверный ужас пополам со злорадством людей, дождавшихся подтверждения собственным страхам.

Кто-то выкрикнул резкую фразу на языке, которого я прежде не слышала, — и всё же поняла её целиком, будто знание пряталось не в разуме, а в самом теле, доставшемся мне сейчас.

— Очнулась, — бросил голос сверху. — Ведьма очнулась.

Ведьма.

Меня положили на дощатый настил посреди площади, окружённой бревенчатыми избами под соломой. Толпа — человек пятьдесят, если не больше — стояла тесным кольцом, сжимая факелы, хотя солнце ещё не село: похоже, огонь здесь несли не для света, а напоказ.

Тело подо мной принадлежало не мне — это я осознала раньше, чем успела включить логику, тем же чутьём, каким узнаёшь во сне, что спишь, ещё до пробуждения. Кисти тоньше моих, кожа моложе, а туника — грубого плетения, выкрашенная в тусклый, специально неприметный оттенок.

Лабораторная привычка сработала быстрее паники: изучить окружение, вычленить переменные, нащупать точку опоры.

Площадь. Кольцо людей. Дощатый помост. Столб, вкопанный глубоко и надолго, у его подножия — вязанки хвороста, уложенные ровно, рукой того, кто делал такую работу далеко не первый раз.

Столб — для казни.

Хворост — для огня.

Меня привели в сознание ровно затем, чтобы сжечь.

— Веснана, — произнёс кто-то сбоку, и я поняла: это моё нынешнее имя — так же непроизвольно, как тело узнаёт своё отражение прежде, чем разум успевает подключиться. — Хватит прикидываться больной. Не поможет.

Немолодой мужчина стоял ближе прочих — тяжёлый взгляд человека, привыкшего, что его слово равно указу, — и смотрел на меня сверху без тени колебания.

Я оперлась на локти. Тело слушалось плохо, вымотанное чем-то, чему я пока не находила названия, — и всё же заставила себя снова, внимательнее, оглядеть собравшихся.

Оружия, направленного лично на меня, ни у кого не было. Значит, немедленной угрозы жизни нет. Значит, есть минута на размышление, прежде чем действовать.

— Что тут творится? — спросила я, и голос вышел хриплым, чужим, слабее, чем я привыкла от себя слышать.

По толпе прокатился ропот — то самое негодование, каким встречают дерзость от того, кому положено молчать и каяться.

— Опять придушивается, — донеслось из задних рядов. — Забыла, что натворила?

— Просветите меня, — сказала я, стараясь держать голос ровнее, чем держалось тело. — Что именно я, по вашим словам, натворила.

Немолодой — судя по властному тону, кто-то вроде старосты или главы совета — прищурился.

— Порчу навела, — сказал он. — На Гостомысла-старшего. Он три ночи назад умер в муках. Видели, как ты к нему заходила накануне. Слышали, как грозилась, что пожалеет.

Обвинение без единого доказательства, слепленное из формулы «видели — слышали — умер». Я узнавала эту логику: читала о судах над ведьмами когда-то, для общего развития, и не думала, что однажды окажусь внутри такой истории лично.

— У вас есть свидетель самого акта порчи? — спросила я. — Кто-то видел заклинание, а не просто разговор?

По толпе снова прошло движение — на этот раз растерянное: вопрос был задан не так, как здесь принято задавать вопросы.

— Зачем свидетель самой порчи, — фыркнул старик, — когда результат налицо? Гостомысл умер той же смертью, что и остальные маги за последний год. А ты неизменно оказывалась рядом перед кончиной каждого.

Вот это уже было ближе к настоящей улике, чем прежнее обвинение, — я отметила деталь про запас, чтобы позже сложить в общую картину, если это «позже» у меня будет.

— Меня зовут не Веснана, — вырвалось у меня прежде, чем я успела просчитать последствия, а останавливаться было уже поздно. — Точнее, не только Веснана. Этой ночью со мной что-то произошло, и я — не та, кем была вчера.

Повисшая тишина отличалась от прежней — в ней проступало нечто тревожнее разочарования сорванным зрелищем: то самое узнавание, что настигает людей, когда происходящее выходит за пределы привычных схем.

— Она признаётся в колдовстве похуже прежнего, — выкрикнули из толпы дрожащим от страха голосом.

Ошибку я осознала мгновенно — тем же чутьём, каким за долю секунды до провала эксперимента понимаешь, что переменная выбрана неверно: тут честность работала не оправданием, а отягчающим обстоятельством. Сама странность здесь была равносильна доказательству вины.

— Довольно, — старик поднял руку.

Толпа замерла в ожидании его слов, будто он был лишь рупором для приговора, вынесенного ещё до того, как я открыла глаза.

— Веснана Безродная, — произнёс он так, чтобы услышали даже задние ряды, — обвиняется в порче и убийстве Гостомысла-старшего, а также в причастности к прочим смертям магов округи за минувший год. Совет старейшин выносит приговор.

Внутри меня что-то — холоднее страха, методичный расчёт — заработало быстрее, перебирая варианты, которых почти не оставалось.

— Костёр, — произнёс старик. — На рассвете, чтобы боги видели правосудие при свете, а не во тьме.

По толпе прошёл выдох облегчения — того особого рода, каким люди встречают решение проблемы, пусть даже наполовину придуманной.

Я лежала на помосте, чувствуя, как чужое, вымотанное тело бьёт крупная дрожь — то ли от холода, то ли от того, что оно едва пережило нечто мне ещё неизвестное, — и понимала одно с той же ясностью, с какой в лаборатории видишь результат прежде официальной фиксации: времени у меня — до рассвета, и ни минутой больше.

Двое стражников в грубых доспехах, больше похожих на рабочую одежду, чем на воинскую форму, подступили, чтобы поднять меня с настила.

— Верните её в амбар, — бросил старик, уже отворачиваясь, точно моя судьба перестала быть достойной его внимания темой. — И проверьте оковы. Дважды.

Меня повели сквозь расступающуюся толпу — люди отстранялись, не желая касаться даже краем одежды той, кого уже похоронили мысленно, — и я успела рассмотреть деревню полнее, чем позволяло моё положение: бревенчатые крыши, дым из труб, тёмная стена леса на горизонте.

Ни намёка на электричество. Ни следа знакомых технологий. Место, где физика, которой я отдала жизнь, либо не действовала вовсе, либо действовала так, что я пока не различала её за плотным хаосом происходящего.

У входа в амбар, служивший, судя по всему, временной тюрьмой, один из стражников замедлился, разглядывая меня с любопытством, явно выходящим за рамки простого исполнения приказа.

— Ты вправду не помнишь, что говорила вчера? — спросил он, понизив голос так, чтобы не услышали остальные.

— Не помню, — сказала я честно. — Потому что это была не я.

Он смотрел на меня долго, с сомнением, которое, возможно, ещё пригодится позже, если получится его развить.

— Дознаватель прибывает завтра утром, — сказал он тихо, будто выдавал не предназначенные для чужих ушей сведения. — До рассвета. Может, что-то и изменит. А может, нет.

— Дознаватель, — повторила я. — Чем это мне грозит или помогает?

— Тем, что приговор совета не считается окончательным без официального дознания, — сказал он. — Формальность, которую здесь мало кто соблюдает всерьёз. Но раз он едет — значит, в столице прослышали про смерти магов и обеспокоились сильнее, чем местный совет.

Впервые за этот день прозвучало слово «процедура» — хоть какая-то альтернатива самосуду, первая зацепка, за которую стоило держаться до утра.

— Как его звать? — спросила я.

— Ярослав, — ответил стражник. — Говорят, верит только фактам, ничему больше. Может, тебе повезёт, ведьма. А может, и нет.

Он втолкнул меня в амбар с механической аккуратностью человека, выполняющего неприятную обязанность и старающегося о ней не думать, — и запер дверь снаружи.

Внутри стоял запах сена и сырости. Единственный свет пробивался узкими полосами сквозь щели дощатой стены, и в этих полосах плавала пыль.

Я опустилась на пол, прижавшись спиной к холодной стене, и впервые с момента пробуждения позволила себе остановиться и думать методично, а не на голых рефlekсах.

Ирина Снежная, физик, тридцать два года. Умерла — или нет — во время эксперимента, призванного доказать существование квантовых переходов между вероятностными состояниями системы. На практике, судя по всему, доказано было нечто куда более буквальное.

Очнулась в теле девушки по имени Веснана, которую обвиняют в череде смертей — и, если судить по единственному факту, добытому за последние полчаса, все жертвы практиковали магию. Не рука одного убийцы — системный процесс, растянувшийся на год.

Дознаватель, не признающий ничего, кроме фактов, придет завтра к утру.

У меня есть время до рассвета, чтобы набрать для него достаточно фактов, — или сгореть в теле, которое никогда не было моим.

В другой ситуации я бы сказала, что это уже слишком.

Здесь я просто взялась за работу с тем, что было под рукой.

Конец первой глав

Глава 2. Дознаватель

Рассвет начал сереть за щелями амбарной стены, когда снаружи послышался стук копыт — не один всадник, судя по звуку, несколько, и шли они уверенным, нетерпящимся аллюром людей, которым некуда спешить, но незачем и медлить.

Я не спала всю ночь — считала часы по узкой полосе неба, видной сквозь щель, и работала над единственным, что было в моём распоряжении: логикой.

Смерти магов округи за последний год. Гостомысл-старший — последний в этом ряду, и я, судя по всему, была рядом с каждым из них перед смертью, если верить обвинению. Значит, либо Веснана действительно была причастна — версия, которую я отвергала по одной причине: тело, в котором я оказалась, само выглядело жертвой того же процесса, а не его виновником, — либо кто-то системно убирал магов, и Веснана просто оказывалась рядом чаще других, потому что её работа требовала посещать тех же людей.

Целительство. Обрывок памяти, всплывший, как и все крохи знаний Веснаны, — сам собой: она была целительницей, младшей, без покровителя, ходила по домам тех, кому нужна была помощь, включая других магов округи, когда их собственная сила подводила.

Значит, не совпадение. Профессиональная необходимость.

Дверь амбара отворилась резко, впуская серый утренний свет и силуэт человека, остановившегося на пороге прежде, чем войти внутрь.

Высокий, в простой, но добротной одежде без гербов и знаков отличия, с мечом на поясе, который, судя по тому, как небрежно он был приторочен, служил скорее формальностью, чем оружием первой необходимости. Шрам через левую бровь — старый, зажившая рана давних лет. Лицо человека, привыкшего смотреть на вещи внимательно, прежде чем составлять о них мнение.

— Веснана Безродная, — сказал он, констатируя факт, который предстояло проверить.

— Ирина, — сказала я прежде, чем успела просчитать, стоит ли это говорить вслух. — Хотя, полагаю, для протокола вас интересует другое имя.

Он остановился на пороге, разглядывая меня внимательнее, чем позволяла бы простая процедурная формальность.

— Ты уже второй раз называешь себя иначе перед свидетелями, — сказал он. — Стражник доложил о твоих словах вчера вечером. Совет счёл это ещё одним доказательством вины.

— А вы?

— Я ещё ничего не счёл, — сказал он. — Потому и приехал.

Он вошёл, закрыв за собой дверь достаточно, чтобы приглушить утренний холод, но не полностью, — и сел на низкий деревянный чурбан напротив меня, в позе человека, готового к долгому разговору, а не к формальной проверке для галочки.

— Меня зовут Ярослав, — сказал он. — Королевский дознаватель Пограничья. Я не сжигаю людей за слова, которые звучат странно. Я разбираюсь в фактах, которые стоят за этими словами.

— Хорошее начало, — сказала я. — Большинство здесь предпочитает обратный порядок.

В его лице мелькнул интерес, который он не привык проявлять открыто.

— Расскажи мне про Гостомысла-старшего, — сказал он. — Своими словами, не так, как это пересказал совет.

Я думала секунду, взвешивая, сколько правды можно дать, не разрушая шаткого доверия, которое, судя по всему, только начинало формироваться.

— Я не помню саму встречу, — сказала я честно. — Память, которая у меня есть, — обрывочная, будто принадлежит не совсем мне. Но логически: Гостомysl был магом. Веснана — целительница. Целители посещают магов, у которых слабеет собственная сила, потому что

это единственные люди, способные помочь при магическом истощении. Это не заговор. Это профессия.

Ярослав слушал, не перебивая, и по его лицу я не могла понять, верит он или просто собирает информацию для последующей проверки.

— Ты говоришь не как деревенская знахарка, — сказал он наконец.

Он переложил свиток на столе, выровнивая край, — жест человека, которому нужно занять руки, пока он обдумывает следующий вопрос.

— Я и не деревенская знахарка, — сказала я. — Я говорила вам уже.

— Что ты за существо тогда? — спросил он, и в вопросе было только прямое, деловитое любопытство человека, привыкшего задавать неудобные вопросы напрямую.

— Не существо, — сказала я. — Человек. Из другого места. Со мной произошло что-то, что я сама пока не до конца понимаю, — и я оказалась здесь, в этом теле, прошлой ночью, при обстоятельствах, которые для меня так же непонятны, как для вас.

Он молчал долго, разглядывая меня с тем вниманием, с каким изучают документ, где числа не сходятся, но выглядят слишком аккуратно составленными, чтобы быть случайной ошибкой.

— В моей практике, — сказал он наконец, — люди либо лгут, чтобы спастись, либо говорят правду, потому что не видят смысла лгать дальше. Ты не похожа ни на одно, ни на другое.

— На что я похожа?

— На человека, который говорит правду настолько странную, что она звучит как ложь, — сказал он. — Это редкая категория. Обычно она означает, что дело сложнее, чем кажется совету старейшин.

Он встал, прошёлся к узкому окну, выглянул наружу — туда, где, судя по звукам снаружи, деревня уже начинала собираться, ожидая исход официального дознания раньше, чем оно толком началось.

— У меня есть три дня по закону, — сказал он, не оборачиваясь. — Официальное расследование перед вынесением окончательного приговора. Совет старейшин будет недоволен отсрочкой, но закон на моей стороне.

— Три дня, — повторила я. — Достаточно, чтобы найти настоящую причину смертей магов.

— Достаточно, чтобы попытаться, — поправил он. — Что тебе нужно для начала?

Я думала быстро, выстраивая план так, как строила бы план любого расследования в прежней жизни — с чёткими шагами, а не с надеждой на удачу.

— Список всех магов, умерших за последний год, — сказала я. — С датами, обстоятельства смерти и именами тех, кто был рядом незадолго до этого. И доступ к дому Гостомысла — если тело ещё не предали земле, я хочу увидеть его сама.

Ярослав обернулся, глядя на меня с чем-то похожим на удивление, которое он тут же попытался спрятать за профессиональной сдержанностью.

— Ты просишь о вещественных доказательствах, — сказал он. — Здесь этого не делают. Здесь верят словам под клятвой богам, а не осмотру тел.

— Тогда здесь делают это неправильно, — сказала я. — Слова можно исказить, забыть, перепутать. Тело не лжёт о том, как умер человек, если знать, на что смотреть.

Он молчал несколько долгих секунд, и я видела, как в нём происходит та же внутренняя борьба, что происходит у любого профессионала, столкнувшегося с методом, который противоречит всему привычному, но обещает результат лучше, чем привычные средства.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Список я предоставлю до полудня. Дом Гостомысла — сложнее, но тело ещё не предано земле, обряд назначен на завтра. У нас есть время до заката, чтобы увидеть его.

— Спасибо.

— Не благодари, — сказал он. — Я делаю это не ради тебя. Я делаю это потому, что если смерти магов действительно связаны системой, а не порчей одной девушки, — а часть меня уже

подозревала это до твоих слов, — тогда сожжение тебя не остановит настоящую причину. Оно просто даст совету старейшин иллюзию решённой проблемы, пока следующий маг не умрёт тем же образом.

Это было честнее, чем я ожидала услышать от человека в его положении, — голый практический расчёт человека, для которого правда важнее удобной версии.

— Ярослав, — сказала я, впервые произнося его имя вслух. — Что вы уже подозревали, до моих слов?

Он посмотрел на меня долго, и в его взгляде проступила усталость человека, который слишком долго нёс подозрение в одиночку, не имея возможности его высказать.

— Все умершие маги, — сказал он, — умерли после посещения одних и тех же мест в округе. Мест, где в последний год стали появляться новые вещи — украшения, инструменты, безделушки, которые продают заезжие торговцы. Совет считает это совпадением. Я — нет.

Это была первая настоящая зацепка, полученная не из обрывков чужой памяти, а от человека, наблюдавшего за происходящим со стороны месяцами.

— Покажите мне эти места, — сказала я.

— Покажу, — сказал он. — Но сначала — дом Гостомысла. Начнём с того, что уже случилось, прежде чем искать закономерность в том, что может случиться снова.

Он направился к двери, потом остановился, обернувшись.

— Стражники снимут оковы, — сказал он. — Формально ты остаёшься под подозрением, но дознание требует твоего присутствия при осмотре, а не заточения в амбаре. Не пытайся бежать. Это не убедит меня в невиновности — только подтвердит подозрения совета.

— Не собиралась, — сказала я. — Бежать некуда, а сгоревшая репутация бегством не восстанавливается.

Он посмотрел на меня с чем-то похожим на короткую, почти незаметную усмешку — первую эмоцию, которую я увидела на его лице за весь разговор, не скрытую сразу под профессиональной ровностью.

— Странная ты ведьма, — сказал он.

За стеной амбара глухо шумела просыпающаяся деревня — голоса, скрип телег, где-то залаяла собака.

— Я не ведьма, — сказала я. — Я физик.

— Не знаю, что это значит, — сказал он, — но звучит как ещё одна вещь, которую придётся проверять фактами, а не верой.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой, и стражник снаружи, тот же, что говорил со мной накануне вечером, вошёл, чтобы снять оковы с моих запястий.

— Повезло тебе, ведьма, — сказал он тихо, возясь с замком. — Дознаватель редко так быстро соглашается на отсрочку.

— Это не удача, — сказала я. — Это метод.

Он посмотрел на меня непонимающе, но комментировать не стал.

Дом Гостомысла

Дом покойного старосты-мага стоял на окраине деревни, ближе к лесу, чем остальные жилища, — большой, добротный, с резными наличниками на окнах, которые здесь, судя по всему, служили не украшением, а частью защитных знаков.

Тело лежало в главной комнате, укрытое тканью, — обряд прощания ещё не начался, что дало нам время для осмотра, прежде чем деревня соберётся для похорон.

Я откинула ткань, готовясь к тому, что увижу нечто ужасающее, но лицо Гостомысла оказалось спокойным, почти умиротворённым — лицо того, кто угас от полного истощения сил.

— Что вы видите? — спросила я Ярослава, который остановился в дверях, наблюдая за мной с плохо скрываемым напряжением.

— Мёртвого человека, — сказал он. — Что видите вы?

Я осмотрела руки покойного — тонкие, почти прозрачные вены, словно высохшие изнутри, — и что-то в этой картине показалось мне знакомым, хотя я не могла сразу сформулировать, откуда взялось это узнавание.

— Это не похоже на смерть от внешнего воздействия, — сказала я. — Это похоже на то, что называется в моей области истощением энергетической системы — будто из него выкачали что-то жизненно важное, медленно, за длительный период, а не одним ударом.

— Магическое истощение, — сказал Ярослав. — То же, что говорят про других умерших магов.

— Да, но вопрос не в том, что это истощение, — сказала я. — Вопрос в том, что могло вызвать его настолько системно, у стольких людей подряд, в течение одного года.

Я подняла взгляд, и через приоткрытое окно увидела на подоконнике маленький предмет — резной амулет, металлический, с узором, которого я не видела ни на одном другом украшении в деревне.

— Что это? — спросила я, указывая на амулет.

Ярослав подошёл ближе, разглядывая находку.

— Не местная работа, — сказал он медленно. — Такие продают заезжие торговцы. Гостомысл, судя по всему, купил его недавно.

Я взяла амулет в руки, ощущая слабое, едва уловимое тепло металла — тело Веснаны распознавало его как магическую вибрацию, хотя сама я не понимала пока, как это работает.

Внутри меня, впервые с момента пробуждения в этом мире, что-то откликнулось — на уровне рефлекса, как тело откликается на знакомый запах прежде, чем разум успевает его назвать.

— Ярослав, — сказала я медленно. — Мне нужно увидеть, где именно продают эти амулеты. Немедленно.

Он посмотрел на меня, и что-то в его взгляде — тревога, смешанная с растущим доверием, — сказало мне, что он уже понял то же, что и я: мы только что нашли первую настоящую нить в деле, которое совет старейшин слишком поспешно объявил закрытым.

— На рыночной площади, — сказал он. — Но торговец, продававший подобные вещи в последний раз, уехал три дня назад. Никто не знает куда.

Конец второй главы

Глава 3. Хижина

Хижина Веснаны стояла на самой окраине деревни, там, где последние дома уступали место густому подлеску, — маленькая, покосившаяся, с крышей, залатанной в нескольких местах свежей соломой поверх старой, потемневшей от времени.

Ярослав проводил меня до дверей, но входить не стал.

— Формально ты под подозрением, — сказал он. — Мне нужно отчитаться перед советом о ходе дознания, а не показывать, что провожу время в компании обвиняемой больше положенного.

— Понимаю, — сказала я. — Амулет заберёте с собой?

— Заберу, — сказал он. — Постараюсь узнать, у кого ещё из деревни есть подобные вещи, не вызывая подозрений раньше времени.

Он ушёл, и я осталась одна перед дверью дома, который принадлежал мне лишь формально, по праву чужого тела, — и толкнула её внутрь, готовясь узнать о Веснанах больше, чем успела за прошедшую ночь в амбаре.

Внутри пахло сушёными травами — резко, густо, тем особым запахом, который остаётся в доме, где годами готовят настои и отвары. Полки вдоль стен были заставлены глиняными горшочками, связками сушёных растений, свисающими с потолочных балок. Стол у окна — с несколькими деревянными дощечками, покрытыми процарапанными записями, похожими на те, что делала другая моя предшественница в другой жизни, только другим алфавитом, другими символами.

Я села за стол, разбирая записи медленно, пытаясь совместить обрывки чужой памяти с тем, что видела перед собой.

Веснана вела учёт — кто из деревни к ней обращался, с какой хворью, что она давала в лечение. Записи о магах округа выделялись отдельно, с пометками, которые я не сразу смогла расшифровать: символы, обозначающие, судя по всему, силу или её отсутствие.

Стук в дверь раздался, когда я уже погрузилась в чтение достаточно глубоко, чтобы не слышать шагов снаружи.

Женщина, вошедшая без приглашения, была стара — по-настоящему стара, с лицом, избородённым морщинами настолько глубоко, что оно казалось вырезанным из потемневшего дерева, — но взгляд её был острым, живым, лишённым той суеверной пелены, что я видела в глазах толпы на площади.

— Ознобиха, — сказала она, будто это объясняло всё, что требовалось объяснить о её появлении. — Пришла посмотреть, кто на самом деле сидит в теле Веснаны.

Я застыла, не зная, как реагировать на прямооту, с какой она произнесла то, о чём я сама говорила осторожно, боясь последствий.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Потому что Веснана никогда не сидела так, — сказала старуха, кивая на мою позу за столом — прямую спину, руки, аккуратно сложенные на дощечках, словно я вела деловые переговоры, а не сидела в собственном доме. — И потому что глаза у тебя другие. Веснана смотрела на мир так, будто боится его. Ты смотришь так, будто разбираешь его на части.

Это было точнее любого другого наблюдения, что я слышала с момента пробуждения, — точнее даже вопросов Ярослава, построенных на логике и фактах, а не на простом, человеческом узнавании чужого взгляда.

— Меня зовут Ирина, — сказала я. — Я не знаю, как объяснить, что произошло, но я точно не Веснана — по крайней мере не полностью.

Ознобиха кивнула — подтверждение было ожидаемым, а не удивительным.

— Слышала о таком, — сказала она, садясь напротив меня без приглашения, с уверенностью человека, привыкшего быть желанным гостем в любом доме округа. — Давно, в старых

сказаниях. Тело остаётся, дух меняется — иногда навсегда, иногда на время, пока не решится дело, ради которого произошла подмена.

— Вы верите в это легко, — сказала я. — Большинство в деревне готово было сжечь меня за куда меньшую странность.

— Большинство в деревне боится того, чего не понимает, — сказала Ознобиха. — Я слишком стара, чтобы бояться. Мне интереснее понять.

Она посмотрела на разложенные передо мной дощечки, на записи Веснаны о магах округи, и лицо её посерьёзнело.

— Ты уже нашла то, что искала настоящая Веснана перед смертью Гостомысла, — сказала она, не как вопрос.

— Не уверена, что нашла достаточно, — сказала я. — Но вижу закономерность. Все умершие маги — не случайные жертвы. Что-то забирает у них силу систематически, за длительное время. Гостомysl умер после того, как приобрёл новый амулет у заезжего торговца.

Ознобиха молчала долго, и в этом молчании было больше тревоги, чем в любом другом её слове до сих пор.

— Я тоже видела эти амулеты, — сказала она наконец. — Красивые вещицы. Многие в деревне купили себе по одной, а то и по несколько, — торговец умел уговаривать, а цена была смешной для такой тонкой работы.

— У вас есть такой?

Она покачала головой.

— Я не покупаю вещей, которые не понимаю до конца, — сказала она. — Даже если они кажутся безобидными. Особенно если кажутся безобидными.

Первый настоящий узел

Я разложила перед собой записи Веснаны рядом с тем немногим, что успела узнать за утро, — список умерших магов, который обещал предоставить Ярослав, ещё не пришёл, но уже сейчас вырисовывалась картина, слишком последовательная, чтобы быть совпадением.

— Ознобиха, — сказала я. — Сколько всего амулетов продал этот торговец за последний год?

— Не считала, — сказала она. — Но приезжал он не раз и не два. Каждый раз с новой партией, каждый раз новых покупателей находил легко.

— И каждый раз после его визитов кто-то из магов округа начинал слабеть?

Ознобиха посмотрела на меня внимательно, и я увидела, как в её глазах формируется та же мысль, что уже оформилась в моей голове.

— Не сразу, — сказала она медленно. — Через время. Недели, иногда месяц. Будто болезнь, что копится тихо, прежде чем показать себя.

— Это не порча, — сказала я. — Порча, если верить местным представлениям, действует быстро, целенаправленно, против конкретного человека. То, что я вижу здесь, — процесс, растянутый во времени, действующий на многих людей одинаковым образом, независимо от их личных врагов или конфликтов. Это больше похоже на утечку — то, что забирает энергию медленно, методично, по некоему механизму, а не по злему умыслу конкретного колдуна.

Ознобиха слушала внимательно, хотя, судя по лицу, не всё в моих словах укладывалось в привычные для неё категории.

— Ты говоришь о магии, как о чём-то, что можно измерить, — сказала она. — Как о воде, которая течёт из одного места в другое.

— Именно так я и думаю о ней, — сказала я. — Пока это единственный способ, которым я умею думать вообще.

Она усмехнулась — коротко, беззлобно.

— Может быть, поэтому боги и прислали тебя именно сюда, — сказала она. — Не для того, чтобы верить в магию правильно. Для того, чтобы посмотреть на неё так, как никто из нас не додумался.

Что-то в этих словах отозвалось во мне тревогой, которую я не сразу смогла сформулировать: если меня действительно «прислали» — вопрос, кто или что стоит за этим механизмом, оставался открытым не только для магии этого мира, но и для меня самой, для того, что произошло со мной в лаборатории.

Я отложила эту мысль на потом — задача передо мной требовала внимания прямо сейчас, а вопрос о природе собственных скачков между мирами придётся решать позже, если у меня будет это позже.

— Мне нужно поговорить с теми, кто ещё жив и купил такой амулет, — сказала я. — Прежде чем механизм, каким бы он ни был, заберёт следующего.

— Есть один такой, — сказала Ознобиха медленно, будто взвешивая, стоит ли делиться этим сразу. — Молодой маг, живёт на другом конце деревни. Купил амулет два месяца назад. В последнюю неделю жалуется на слабость, которую списывает на бессонницу.

— Отведите меня к нему, — сказала я. — Сейчас же.

Ознобиха поднялась, но у двери задержалась, глядя на меня с выражением, в котором смешивались тревога и что-то похожее на надежду, редкую для человека её возраста и её знания о мире.

— Если ты права, — сказала она, — и это не порча, а нечто более системное, — совет старейшин не захочет это слышать. Им проще сжечь одну ведьму, чем признать, что опасность до сих пор ходит по деревне свободно, в виде красивых побрякушек, которые купили половина жителей.

— Знаю, — сказала я. — Именно поэтому мне нужны доказательства прежде, чем я скажу это вслух кому-то, кроме вас и Ярослава.

Мы вышли из хижины вместе, и за спиной, там, где деревенская площадь ещё хранила следы вчерашнего несостоявшегося костра, я успела заметить фигуру, наблюдавшую за нами издали, — кто-то чужой, чьё лицо скрывала тень капюшона, и кто исчез в переулке между домами в тот момент, когда я повернулась в его сторону.

Конец третьей главы

Глава 4. Первая попытка

Дом молодого мага стоял на противоположном конце деревни — крепкий, свежесрубленный, с резными знаками над дверью, которые, судя по всему, должны были отпугивать дурной глаз, но, как я уже начинала подозревать, не справлялись с угрозой куда более практичной, чем сглаз.

Звали его Радим — лет двадцати пяти, худой, с тёмными кругами под глазами, словно он не спал несколько ночей подряд. Он открыл дверь сам, без слуг, и, увидев Ознобиху рядом со мной, посторонился, впуская нас внутрь без лишних вопросов.

— Ты слышал про Веснану? — спросила Ознобиха, входя первой.

— Вся деревня слышала, — сказал Радим, глядя на меня с осторожностью, в которой смешивались недоверие и что-то похожее на надежду. — Говорят, дознаватель отложил казнь.

— На три дня, — сказала я. — За это время я собираюсь найти настоящую причину смертей магов округи. И, кажется, ты — следующий в этом списке, если мы не разберёмся вовремя.

Радим побледнел ещё сильнее, хотя, казалось, куда уж больше.

— Что вы имеете в виду?

— У тебя есть амулет, — сказала я, не как вопрос. — Купленный у заезжего торговца, месяца два назад.

Он машинально коснулся груди, где под рубахой угадывались очертания цепочки, и это движение сказало мне больше, чем любой словесный ответ.

— Откуда вы знаете?

— Потому что такой же был у Гостомысла, — сказала я. — И потому что ты жалуешься на слабость, которую списываешь на бессонницу, хотя, подозреваю, дело не в бессоннице вовсе.

Он вынул амулет из-под рубахи — тот же тип резного металлического диска, что мы нашли у покойного старосты, только с немного другим узором, — и положил на стол между нами.

— Красивая работа, — сказал он тихо. — Торговец сказал, что усиливает магический дар. Первые недели я и правда чувствовал себя сильнее.

— А потом?

— А потом стало наоборот, — сказал он. — Будто сила уходит быстрее, чем восстанавливается. Списывал на переутомление.

Я взяла амулет в руки, ощущая то же слабое тепло, что чувствовала при осмотре предмета из дома Гостомысла, — не физическое, скорее нечто, отзывающееся в теле Веснаны на уровне, для которого у меня пока не было подходящего научного языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.